

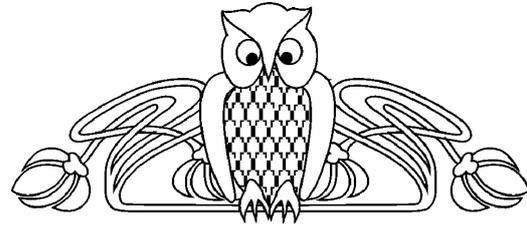

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 338–342
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 338–342
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

Научная статья
УДК [355.216(450)] 14|+929Агутто

Джованни Агутто – кондотьер на службе итальянских государств

М. О. Семиков

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

Семиков Максим Олегович, аспирант кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института, Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>, AuthorID: 1178106

Аннотация. В статье рассматривается военная карьера англичанина Джованни Агутто, капитана наемников, длительное время служившего итальянским городам-государствам Италии и Папской области. На основе материалов флорентийских хроник братьев Джованни и Маттео Виланни, Маркьоне Стефани, сведений, сообщаемых анонимными авторами, показан его путь от простого наемника до известного кондотьера и почетного гражданина Флоренции. Формулируется вывод о противоречивости образа Джованни Агутто в оценке как современников, так и последующей исторической традиции. В Джованни Агутто сочетались жестокость и алчность наемного капитана, с одной стороны, и рыцарские жесты и установки – с другой.

Ключевые слова: военное наемничество, Джованни Агутто, город-государство, Флоренция, кондотьеры, реконструкция образа

Для цитирования: Семиков М. О. Джованни Агутто – кондотьер на службе итальянских государств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 338–342. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Giovanni Aguto – condottiere in the service of the Italian states

М. О. Semikov

North-Caucasus Federal University, 1 Pushkin St., Stavropol 355017, Russia

Maksim O. Semikov, Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>, AuthorID: 1178106

Abstract. The article discusses the military career of the Englishman Giovanni Aguto, a mercenary captain who served the Italian city-states of Italy and the Papal States for a long time. Based on the material of the Florentine chronicles the brothers Giovanni and Matteo Vilanni, Marchione Stefani, information reported by anonymous authors, the path from an ordinary mercenary to a famous condottiere and honorary citizen of Florence is shown. The conclusion is made about the inconsistency of the image of Giovanni Aguto in the assessment both by contemporaries and in the subsequent historical tradition. Giovanni Aguto combined the cruelty and greed of a mercenary captain, on the one hand, and chivalrous gestures and attitudes, on the other.

Keywords: Military mercenary, Giovanni Aguto, city-state, Florence, condottieri, image reconstruction

For citation: Semikov M. O. Giovanni Aguto – condottiere in the service of the Italian states. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 338–342 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-3-338-342>, EDN: JLFBNH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Джованни Агутто (1320–1394), он же английский кондотьер Джон Хоквуд, большую часть своей жизни прослужил вместе с верными ему людьми в Италии и именно там снискал себе славу. Наибольшее количество информации о нем оставили его современники из Флоренции, города, с которым он был неразрывно связан на протяжении приблизительно 17 лет своей жизни (1377–1394).

В 1378 г. вследствие усиливающейся внутри города социально-политической напряженности

между старшими и младшими цехами, а также растущего недовольства большей части общества диктаторскими методами правления партии гвельфов было принято решение заручиться поддержкой некоторых компаний удачи, среди которых был и отряд Джованни Агутто. Флорентийский хронист Маркьонне ди Коппо Стефани (1336–1385), не склонный идеализировать этого кондотьера, писал: «Во время этих приоров был заключен договор с компанией мессера Джованни Агутто и графа Луччо, каковые утвер-

ждали, что не станут нарушать статьи договора, заключенные коммуной с ними, а будут соблюдать их на протяжении, по меньшей мере, двух лет. Однако Луччо и его брат Аверардо вскоре отказались выполнять условия контракта с республикой» [1, р. 345]. Из описанной ситуации ясно, что наемники, чувствуя за собой силу, могли в одностороннем порядке попытаться изменить соглашения с нанимателем, тем самым обрекая его на новые расходы, от которых он уже не мог отказаться. По имеющимся источникам не ясно, добивался ли для себя новых условий также Джованни Агуто, поскольку М. Стефани предпочитал обвинить в вероломстве всех наемников, которых нанимал город, но не писал о каких-то злодеяниях со стороны самого Джованни Агуто, как бы подразумевая, что тот мог пойти на подобный шаг. Последнее позволяет предполагать элемент личной неприязни хрониста к Джованни Агуто.

Другой эпизод, который позволил бы дать оценку отношению Стефани к Агуто, произошел в 1382 г., когда кондотьер по пути из Флоренции в Неаполь прибыл в Рим и остановился там на несколько дней. Он был командирован на помощь Папе Урбану VI (1378–1389) вместо денег, которые должна была ссудить понтифику Флоренция, чтобы закрепить свой мир с церковью: «Решили (приоры) таким образом: пусть мессеру Джованни Агуто, каковой был Капитаном войск коммуны Флоренции, будет погашен долг, и он получит из тех денег, что были предназначены для Папы от флорентийцев 12000 флоринов» [1, р. 421]. Папа стремился обезопасить себя от войск наследника Неаполитанского королевства герцога Анжуйского (1339–1384) и укрыться при дворе герцога Карло ди Дураццо, другого претендента на неаполитанский престол со стороны Анжуйской династии в Корнето. Римляне, по мнению Стефани, громко обвиняли Агуто в том, что он пришел в город не для помощи Папе, а желая выгнать его из Рима. Они устроили манифестацию у дома кондотьера, угрожая, что «причинят ему грубость», если он тотчас же не уедет из города [1, р. 421]. Из слов М. Стефани следует, что он представлял кондотьера как человека опасного даже для столь влиятельных людей, как Папа Римский, но и избличал его как наемника, который слышит лишь звон флоринов: перед тем как отправиться к Папе, он ограбил союзника Флоренции Сиену, из-за чего прибыл к понтифику с задержкой. Хронист писал: «И мессер Джованни Агуто вышел из Флоренции в октябре 1382 г., направляясь на службу Церкви. И служба, которую он исполнил, состояла в том, что он направился в сторону Сиены, и потребовал у сиенцев 14000 флоринов, говоря, что когда он был с мессером Джанни Баво Унгаро, тот должен был ему эти деньги отдать, а поскольку сиенцы находились в зависимости от флорентийцев... то они (люди

Агуто) стали эти земли разорять, и заставили их заплатить выкуп» [1, р. 421]. Данная ситуация без всякой идеализации показывает действия кондотьера как типичного капитана наемников, никогда не упускающего своей прибыли, пользующегося правом сильного.

М. Стефани, являясь в тот период стойким противником Дж. Хоквуда, не упустил случая, чтобы рассказать и о более чем сдержанном приеме кондотьера в Риме, который, получив разрешение покинуть Флоренцию для службы папскому престолу, был с угрозами изгнан из Рима возмущенным народом.

Отметим, ссылаясь на современного итальянского исследователя Д. Балестраччи, что эпизод изгнания однозначно вымышлен почти от начала до конца, поскольку об этих событиях не было известно ни в Риме, ни в Неаполе, и они не совпадают со свидетельствами тех, кто наблюдал прибытие Хоквуда в Рим [2, р. 250]. Более того, сам Стефани в это время находился во Флоренции и никак не мог стать свидетелем этих событий. Тон, в котором выдержан рассказ Стефани, явно высвечивал антипатию этого хрониста к Хоквуду, который, по его мнению, мог стать опасным для Флоренции.

Вместе с тем в различных источниках нередко сообщается о том, что Джованни Агуто обладал многими качествами, достойными представителями рыцарства. В свидетельстве флорентийского Анонима (1450–1516?) выражено восхищение Джованни Агуто: «Прибыв на место в окрестностях Флоренции, куда устремилась компания Виллануччо (кондотьера, действовавшего на границах Тосканы в начале 80-х гг. XIV в.), Джованни Агуто встретил отряд Виллануччо, по традиции приславшего Агуто свою перчатку, вызывая того на поединок. Агуто принял ее и щедро одарил того, кто принес для него вызов от Виллануччо» [3, р. 23]. Это мнение разделяется и другими хронистами, которые не имели особых мотивов для симпатии к англичанину. В качестве примера можно привести эпизод, рассказанный сиенцем Бандино да Травале, свидетелем нападений Агуто на территорию своего города, что, казалось бы, не могло позитивно восприниматься хронистом. Однако он заявлял о том, как Хоквуд убеждал командиров, в частности Виллануччо, избежать вероятного поражения: «Положил мессер Джованни Агуто руку на плечо Виллануччо и сказал: »Уходите, как только зайдет солнце, потому что теперь я не смогу сдержать столько людей, которые рвутся дать сражение, и вы будете уничтожены» [2, р. 251], проявив в этом предупреждении врага элемент рыцарских нравов.

Скорее всего, эти благородные фразы – избрание хронистов, но, действительно, рыцарские жесты включались в грубый, но реальный «кодекс чести капитанов удачи», что делало отчасти возможными подобные поведенческие прак-

тики, используемые кондотьерами, хотя в этом случае остается открытым вопрос о правдивости описываемого.

Еще один любопытный пример рыцарского жеста Агуто имел место в конце его карьеры, во время войны Флоренции с миланскими Висконти (1390–1392), когда он вызвал на поединок кондотьера Якопо даль Верме, чтобы заменить дуэлью сражение на поле, по противоположным сторонам которого стояли две группы войск. Следует, однако, помнить, что в условиях военных реалий «рыцарское» поведение проявлялось не всегда. Возможно, стоит удивляться, что Якопо даль Верме, который был на несколько десятков лет младше Агуто, в битве при Казалеккьо 1390 г. проявил себя грубым невеждой, трижды отклонив вызов Агуто и бросив в тюрьму ни в чем не повинного его посланца Зуццо-трубача, обязанного отнести перчатку в лагерь противника. Кажется, в данном случае проходила граница между двумя способами понимания связи рыцарских жестов и войны. Можно предположить, что Агуто был более связан со старыми стереотипами рыцарства, тогда как другой кондотьер действовал в соответствии с менее романтической, но более прагматичной ментальностью [2, р. 253]. Подобное поведение Джованни Агуто в определенной мере отражало дух рыцарской авантюры, основанный на корпоративно-сословной солидарности между сражающимися, что в какой-то мере сближало его с менталитетом рыцарей прошлого.

В то же время другой поборник истинного рыцарства, флорентийский новеллист Франко Саккетти не единожды делает Агуто героем своих новелл, характеризуя его следующим образом: «Он точно был таким человеком, который наиболее твердо владел оружием в Италии в его времена» [4, р. 206]. Однако за этим следовала красноречивая lamentация: «Горе тем людям и народам, которые слишком веряются равным ему, потому что народы, коммуны и все города живут и развиваются в мире; а те живут и процветают в войне» [4, р. 206]. Далее он характеризовал наемных капитанов: «В них нет ни любви, ни веры. Часто они приносят большие расходы тем, кто платит им деньги, потому что они не дают солдатам их части, хотя делают вид, что хотят сражаться и воевать одни против другого; большей выгоды они добиваются, объединившись вместе, предавая тех, кто нанял их за плату, и поэтому они говорят: “Укради там, а я хорошо пограблю здесь”» [4, р. 207].

В разных произведениях XIV–XVI вв. встречаются жалобы на бич наемных компаний, но вместе с тем заявления, что нельзя обойтись без их службы. Отсюда печальное восклицание Ф. Сакетти: «О, ничтожные люди, те малые, которые, хотя и малые, но живут свободно, не вверяясь обманам вооруженных людей, не платят им и не надеются, что это станет надежной

гарантией внешней защиты и внутренней безопасности» [4, р. 207].

Видимо, образ Агуто был отчасти идеализирован во флорентийских текстах. В XIX в. историк Эрколе Рикотти (1816–1883) в своей монументальной «Истории компаний удачи в Италии» высказал следующее суждение по поводу Хоквуда, вторя Маттео Виллани: «Агуто – человек лисьей природы и очень жестокий» [5, р. 494]. Позднейшие историки на протяжении последних десятилетий XIX и XX вв. рисовали образ знаменитого кондотьера в более позитивных тонах, утверждая, что его методы соответствовали тем временам, в которых они применялись. Так, комментируя резню в Фаэнце в 1376 г., когда город был разграблен отрядами Агуто, английский историк Джон Темпл-Лидер оправдывал произошедшее такой формулой: «Фигура Агуто предстает перед нами, с одной стороны, в неприглядном свете; но следует вспомнить в его оправдание, что власть капитанов компаний удачи не была столь твердой, как это принято считать, и они не всегда могли обуздать эксцессы, связанные с солдатами, и полностью нести ответственность за руководимые ими дела» [6, р. 119].

Стефани также припоминал в своих рубриках эпизод, связанный с Фаэнцей, причем факты, излагаемые им, свидетельствовали явно не в пользу известного кондотьера: «24 марта 1376 года была ограблена Болонья, а в Фаэнце был один прелат (имя которого Стефани не называет. – М. С.), который... искал возможности грабить, но не знал как, поэтому он послал за мессером Джованни Агуто, и тот вошел туда... и подверг город грабежу, а некоторые из жителей были захвачены с целью выкупа. Все схваченные женщины предназначались в наложницы для английских солдат... выпускали из города только тех, которых никто не хотел, старух или женщин крестьянского вида» [1, р. 296]. Стефани при всей неприязни к кондотьеру акцентировал следующую деталь: «Агуто, став в воротах, выпустил большое количество женщин, тогда как вышеназванный прелат говорил: »Пусть вот та вернется, она будет достаточно хороша для наших солдат«...», он (прелат) не позаботился о спасении набожных монахинь из монастырей, втянутых в грабеж и порок разврата, как и светские женщины. Казалось очень странным, что и папа об этом не потревожился и не указал высокопоставленному мессеру не проявлять такого злонравия в столь бесчестных и отвратительных предприятиях» [1, р. 296]. Описывая эту сцену, Стефани при всей неприязни к Агуто все же главным виновником представил прелата, указывая на определенное благородство поведения кондотьера, который стремился выпустить как можно больше женщин из города.

Еще более тяжелый эпизод проявлений жестокости, в котором участвовал Агуто, произошел в Чезене, подчиненной в 1377 г. кардиналу

Роберту Женеvesкому (будущий антипапа Климент VII (1378–1394). 3 февраля 1377 г. у солдат-бретонцев, еще не находившихся под началом Агуто, возникли распри с местным населением, из-за чего были погибшие с той и с другой стороны с немалыми потерями для армии [7, р. 210]. Опасаясь, что подобное может повториться, представители Папы наняли отряд англичан во главе с Джованни Агуто для защиты церкви и кардинала, позволив ему убивать и грабить любого в случае опасности для кардинала, что вылилось в новое противостояние. Хронист пишет: «Бретонцы и англичане покорили землю и полностью ее разграбили, убили 3000 человек, среди них было много детей вплоть до грудных младенцев, головы которых разбивали о стены или душили их, многих женщин убили, а многих угнали с собой, а тех, кто не мог бежать, убивали без всякой жалости» [7, р. 211]. Разграбили и другие принадлежавшие церкви территории, компенсируя таким образом задержку жалования. Как видим, неизвестный хронист создает достаточно реалистическую картину негативного свойства.

Дж. Темпл-Лидер не стремился осудить действие Агуто, предполагая, что кондотьер не хотел чрезмерных жертв, но искал возможности смягчить советы кардинала Роберта Женеvesкого, на самом деле, по мнению этого автора, ответственного за убийства: «Не достигнув исполнения благородных намерений, т. е. не сумев убедить кардинала в ненужности грабежа, Агуто кончил тем, что подчинился предписаниям...» [6, р. 120]. Такое предположение возможно.

Однако автор явно пытается оправдать кондотьера приказом кардинала, который Агуто даже при его возможном нежелании должен был выполнить, хотя и понимал «бессмысленную жестокость распоряжения». Кроме того, Темпл-Лидер утверждал, что в Чезене также активно участвовал в резне кондотьер Альберико да Барбиано (1348–1409), предположительно родившийся в небольшом местечке Барбиано на севере Италии, которого восхваляли за великодушие и патриотизм. Связывая этот эпизод с последующими событиями, историк считал, что произошедшее в Чезене привело Агуто к решению покинуть службу папе в том же году, чтобы перейти Капитаном войны во Флоренцию: «Видимо, отвращение к таким делам потребовало от него оставить службу этим правителям» [6, р. 120]. Однако правомерно предполагать, что Дж. Темпл-Лидер склонен идеализировать образ кондотьера, ибо не имеется никаких прямых доказательств того, что именно по этим причинам Агуто перешел на службу Флоренции.

Вместе с тем Маллет воспринял, хотя и с некоторой осторожностью, традицию, согласно которой Джованни Агуто характеризовался как хитрый человек и жестокий военачальник, но

тем не менее не лишенный некоторого благородства в случаях, когда он, вынужденный следовать предписаниям, старался по возможности спасти женщин от резни, учиненной им в городе: «Он сумел спасти некоторых женщин из города, однако там погибло больше чем 5000 человек, которыми заполнили городской ров» [8, р. 41].

В том, что касалось резни в Чезене, которую считали темным пятном в карьере Джованни Агуто, современные авторы стараются дать более взвешенные оценки его действиям. Подобную попытку предпринимал и классик исследований военного наемничества Майкл Маллет. «В Чезене солдаты Агуто были фланкированы компанией бретонцев, посланной папой, которая совсем не считалась с местным населением». Главную ответственность за массовое убийство историк возлагал на бретонцев, полагая, что «их положение было выше, чем положение англичан» [8, р. 39]. Указанный автор по существу оправдывал английского кондотьера тем, что он в том же 1377 г. покинул войска церкви: «Агуто, очевидно питая отвращение к тому, с чем пришлось ему соприкоснуться в Чезене, вскоре оставил службу у папы» [8, р. 39]. Отметим, что это лишь предположение.

Однако историки опираются и на выводы английского биографа Дж. Темпл-Лидера. Так, о том, что Джованни Агуто представлял «тип нового кондотьера», писал итальянский историк Эрнесто Сестан, утверждая, что «Агуто было присуще чувство чести, стремление соблюдать данное слово, а не только грубая хищность» [2, р. 259].

М. Маллет в издании конца 80-х гг. XX в. подчеркивал профессиональные качества Хоквуда: «Персонаж наиболее заметный в итальянских войнах... был солдатом жестким, но истинным профессионалом, который, в отличие от современных ему кондотьеров, был озабочен не столько деньгами, сколько собственной репутацией воина» [8, р. 38]. «В своей компании, – продолжал историк, – он умел создать единство и такой корпоративный дух, какового нигде не было» [8, р. 38]. Стараясь быть максимально лояльным к соотечественнику, Маллет избегал идеализации и старался провести беспристрастный анализ деятельности кондотьера, но все же пытался, насколько возможно, оправдать наиболее темные страницы его биографии. Интересна мотивация психологического и эмоционального характера, которую Маллет приводил, чтобы подтвердить свою точку зрения: «За те 15 лет, которые он провел в Италии, он должен был полюбить страну и ее жителей» [8, р. 41].

Несмотря на всю неоднозначность фигуры Джованни Агуто, его влияние на развитие Флоренции второй половины XIV в. сложно переоценить. Восприятие смерти Агуто гражданами Флоренции показывает значимость его фигуры для данного города-государства. Анонимный

хронист писал: «В среду 18 марта 1394 г. умер выдающийся рыцарь, мессер Джованни Агуто. Воздали ему во Флоренции величайшие почести знаменами и покрытыми конями. Тело его... стояло всю ночь в Сан Джованни, а на возвышении находился стол с большим количеством мехов и драпов, на которых помещалось тело, а также 300 горящих канделябров. В четверг вечером все колокольни церквей Флоренции звонили по 3 раза двойных звона смерти по распоряжению синьоров Приоров, а также звонили и в пятницу утром» [3, р. 168]. Эта картина свидетельствует о значимости Джованни Агуто для города Флоренции, ибо такая церемония прощания применялась лишь в исключительных случаях по отношению к самым выдающимся личностям.

Это же самое можно сказать и о церемонии похорон Агуто. Аноним писал: «В пятницу утром 20 марта поставлены были вокруг площади Синьоров скамьи для похорон, и там собралось множество граждан, и Синьоры находились на трибуне, а в лоджии – рыцари, судьи и медики. А на площади был поставлен большой стол, убранный множеством мехов и золотых драпов... И весь клир собрался в Санта Мария дель Фьоре, в числе 200 священников и монахов, и все религиозные братства Флоренции, которые сопровождали тело вместе с правителями города, рыцарями и гражданами...» [3, р. 168–169]. Этот фрагмент говорит о том, что Джованни, хотя и не являлся флорентийцем по рождению, он заслужил достойнейшие похороны и церемонии прощания, в которой принял участие весь город. Вместе с тем интересен образ покойного и в представлении флорентийцев, видевших в нем защитника и гражданина Флоренции, а не наемника.

Доказательством пышности обряда прощания с Джованни Агуто может служить пример других богатых и почетных похорон, устроенных для Вьерида Камбио де Медичи (1323–14 сентября 1395) [3, р. 179], и выдающегося гуманиста Леонардо Бруни, который был «преданным гражданином» Флорентийской республики (хотя это звание он получил позднее как признание его заслуг перед коммуной, как республиканец и демократ [9, с. 425]). То, что Джованни Агуто

оказался в одном ряду со столь уважаемыми флорентийскими гражданами, должно было показать важность персоны кондотьера для города-государства.

Таким образом, личность Джованни Агуто до сих пор вызывает дискуссии при определении ее значимости для Италии и Тосканы, если учитывать его намерения и свершения, а также род деятельности. При всей противоречивости оценок, авторы признают, что он оставил глубокий след в истории не только как военный, но и как политик, а также государственный деятель, ибо наиболее выдающиеся кондотьеры в Италии нередко исполняли разные функции, в том числе и невоенные. Почти всеми авторами подчеркивается тот факт, что этому кондотьеру не были чужды понятия чести и достоинства, а также рыцарские жесты.

Список литературы

1. *Stefani Marchione di Coppo*. Cronaca Fiorentina. Rerum Italicarum Scriptores : in 121 vols. Vol. 30 / ed. Niccolo Rodolico. Città di Castello ; Coi tipi dell'editore Scipione Lapi. Bologna : Nicola Zanichelli, 1779. 677 p.
2. *Balestracci D.* Learmi, icavalla, l' oro. Giovanni Acuto e i condottieri nell'Italia del Trecento. Roma; Bari : Laterza, 2003. 320 p.
3. *Diario: Alle bocche della piazza*. Diario di anonimo fiorentino (1382–1401) / a cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze : L. S. Olschki, 1986. 252 p.
4. *Franco Sacchetti*. Tales from Sacchetti. London : J. M. Dent & co, 1908. 307 p.
5. *Ercole Ricotti*. Storia del le compagnie di ventura in Italia: in 4 vols. Vol. 1. Torino : Giuseppe Pomba e c., 1847. 550 p.
6. *Temple-Leader J., Marcotti G.* Sir John Hawkwood (L' Acuto) : Story of a cindottiere. London : T. Fisher Unwin, 1889. 370 p.
7. *Cronichetta d'incerto* // Croniche antiche di vari scrittori del buon secolo della lingua toscana / de D. M. Manni. Milano : Per Jovanni Silvestri, 1844. P. 173–217.
8. *Mallett M.* Mercenaries and their masters. Warfare in Renaissance Italy. Barnsley : Pen & Sword military, 2009. 285 p.
9. *Эльфонд И. Я.* Леонардо Бруни, этика гражданского гуманизма и греческое наследие // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 425–432. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-4-425-432>

Поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2023; принята к публикации 12.04.2023
The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 30.01.2023; accepted for publication 12.04.2023